



Вдруг появилось несколько белых бурунов, вынырнувших со стороны северных фортов. По их движению было ясно, что катера идут на Ораниенбаум.

— Идут налегке, — заметил Седой, — осадка много меньше нашей, могли бы и сдернуть «Закат»...

— Эх, знать бы семафор, — мечтательно сказал Валентин Антоныч. — Нас-то всему учили, а вы, наверно, и не слыхивали, что это такое...

— Как не слыхивали! — вскричали мы. Наскоро припомнили кое-какие буквы и по очереди, размахивая двумя кепками, по несколько раз просемафорили: «Прошу снять волной с мели!»

Катера — это были катерные тральщики «КМ» — прошли мимо. И только капитан разочарованно заключил, что мы, судя по всему, передавали плохо, как идущий концевым катер повернул в нашу сторону. Мощная волна из-под его широкого транца легко подняла «Закат» и швырнула так далеко, что нам стала угрожать совсем другая опасность — оказаться на береговых камнях.

— Отдать якорь! — закричал Валентин Антоныч.

Пока мы выбирали удобное место у порядком разрушенного причала пустынной петергофской гавани, пока швартовались и прибирались, стало смеркаться. Пуся раздала по миске аппетитно пахнущих мясом и одобренных томатом макарон, затем последовало торжественное чаепитие. Капитан и Седой поздравили нас с благополучным окончанием перехода и, так сказать, боевым крещением, затем взрослые уединились в каюте (надо полагать — отпраздновать возвращение к мирной яхтсменской жизни!), а мы были отпущены на часок на берег.

— Никуда с центральной аллеи не сходите, до дворца — и обратно, — напутствовала Пуся, — наверняка полно мин! Хотя по радио говорили, что вот-вот будет открытие парка, но кто его знает...

Молча мы прошли к совершенно сухому круглому бассейну, в центре которого торчали остатки основания исчезнувшей статуи Самсона. По разбитым ступеням главного каскада стекал из-под дворца хилый ручеек. Страшной декорацией возвышался силуэт развалин дворца. Крыши нет. Через пустые дыры окон видно то небольшое, что уцелело от великолепных парадных залов. Закопченные стены — в разводах и трещинах. Среди обнажившейся кирпичной кладки поблескивают остатки лепнины с позолотой, свисают лохмотья плафонов. Угнетающее безмолвие завершало мрачную картину: нигде ни души.

К обгоревшему косяку не существующей парадной

двери прибит лист фанеры, на котором безвестный командир саперного взвода неразборчивой подписью удостоверил, что на территории главного дворца мин нет.

Все так же молча вернулись мы на «Закат» и успели на завершение праздника: досталось по куску пирога с изюмом.

Укладываться в тесном форпике не захотелось, и мы решили спать наверху, завернувшись в стакселя. Заснули мгновенно. Среди ночи Владик меня растолкал. Сначала я никак не мог понять, где мы, а он предлагал срочно будить капитана:

— Никак — снова война!

От Кронштадта доносилась канонада, стояло зарево, в дыму метались лучи прожекторов. Но странное дело: ни на налет авиации, ни на обстрел крепости кораблями происходящее похоже не было. Мы не знали, что и думать.

Наверх вылез Седой. Он совершенно спокойно посмотрел на родной Кронштадт и ответил на наши тревожные вопросы коротко и ясно: «Кино!»

«Ленфильм» снимал картину «Крейсер «Варяг».

Следующий день был посвящен осмотру окрестностей.

Когда дворцовый парк уже кончился, мы еще долго шли по берегу в сторону Ораниенбаума. Помню глубокий овраг, по которому текла речка. Переходили ее по какой-то искореженной стальной балке. На том берегу, наподобие верещагинского апофеоза войны, высилась огромная куча ржавых консервных банок. Явно начинался передний край. Но чей? Угадывались линии окопов, попадались обрывки колючей проволоки, многочисленные недавно засыпанные воронки. А путь дальше преграждало свежее проволочное заграждение. Неведомо откуда (как оказалось, из сохранившейся землянки) появился бородатый солдат. Он поинтересовался куревом, а поскольку мы не курили, никакого интереса к нам не проявил и повернулся, чтобы уходить. Кое-как мы его задержали и стали расспрашивать, кто и от кого здесь держал оборону?

— Хрен его знает. Я тут, слава богу, не воевал. Где вы — там, пожалуй, были немцы, а дальше на запад — наши. Пятачок. Одним словом, тут шляться нельзя, сюда пленных еще гоняют, следы боев зарывать... А народу положили — страх! Бойня была форменная.

(Потом Седой даже схему на песке начертил, растолковал нам, какую роль сыграл этот ораниенбаумский пятак в тылу у немцев при прорыве блокады. А получился пятак благодаря фортам береговой обороны: моряки развернули свои двенадцатидюймовки в сторону суши и поставили такой огневой заслон, что немцы так и не смогли взять этот клочок земли, очерченный радиусом стрельбы орудий.)

Обратно шли молча. В воде среди камней нашли немецкую каску, подобрали несколько довольно крупных осколков. На высоком месте сохранились остатки бетонных оружейных площадок — совсем недавно здесь стояли орудия.

Захотелось заглянуть внутрь одиноко стоящего небольшого, в два этажа, строения, обнесенного рвом. На двери висел замок, но окна были заколочены кое-как. Владик залез мне на плечи, легко отодвинул одну из досок и заглянул. Потом мы поменялись местами. Разглядывать было нечего: в ободранном темном зале, так и хочется сказать — заплеванном, виднелись струганные нары.

Когда мы, перегруженные мрачными впечатлениями, вернулись к центральному каналу, я случайно обер-

нулся и на той самой раздолбанной дорожке, по которой мы только что шли, обнаружил табличку: «Не ходить. Мины»...

По «левой» половине парка – в сторону Монплезира, где тоже видны были следы установки орудий, мы гуляли уже иначе: шли осторожно, только по аллеям, внимательно читали все надписи на валявшихся обломках досок и фанерках. Дошли до стрельчатой готической часовни, часть которой превратилась в груды битого кирпича и каменного крошева. Заметив поблескивающую гильзу от ДШК, я полез на эту грудку и уже нагнулся за добычей, когда Владик не своим голосом закричал:

– Стой, стой! Противотанковая мина...

Я замер от ужаса и далеко не сразу смог повернуть голову туда, куда показывал мой побелевший спутник: в полуметре от правой ноги выглядывал из щелби края помятой зеленой керосинки. Хотя мы долго смеялись сами над собой, настроение было вконец испорчено.\*

За обедом (меню составляли все те же макароны) мы рассказали об увиденном. Все наперебой вспоминали, каким сказочно ярким, величественным был Петергоф всего четыре года назад. К стыду своему, лично я из всего былого великолепия отчетливо помнил только шутейный фонтан, который неожиданно начинал бить откуда-то из камней дорожки, вызывая визг и хохот.

Сошлись на том, что никому уже не суждено все это увидеть. Воссоздать такое сил уже не будет. Да и то сказать – сколько всего надо восстанавливать.

В эту ночь канонада у Кронштадта нас уже не тревожила.

Когда шли обратно, ветер с веста не только не стих, но усилился, правда, теперь он стал для нас попутным.

Седой посоветовал заранее взять рифы, но капитан, явно из чувства противоречия, высказался в том духе, что излишняя предосторожность настоящему яхтсмену не по душе. Однако, поразмыслив, перед самым выходом приказал взять один риф на гроте и заменить стаксель штормовым.

На полпути мы встретили идущую в лабиринку очень красивую старомодную – гафельную и с бушпритом – яхту «Нега». Капитаны приветствовали друг друга, помавав рукой.

– Боря Сундушников по нашим следам в Петергоф пошел! – заметил Валентин Антоныч.

Глядя, как «Нега» по самую рубку зарывается в волну и как сильно кренит ее ветер, я поинтересовался:

– Неужели и нас так валяет?

И капитан, и Седой засмеялись.

– Разве это «валяет»? – сказал Седой, – видели бы вы, как валяет в настоящий шторм!

В разговор включилась выглянувшая Пуся:

– Шторм – это когда меня укачивает, а сейчас – ни в одном глазу.

Через несколько дней нас отправили в лес – куда-то за Лугу – на заготовку дров для техникума. И вышло так, что на яхте дальше Петергофа я никуда и не ходил. Впрочем, как и большинство яхтсменов тех сороковых...

*Автор приносит свои извинения: в первой части воспоминаний Борис Герасимович Лалыко ошибочно назван Борисом Германовичем.*

\* К минам у нас отношение было самое серьезное. Нам от техникума дали участки под огороды. Где-то за мяскокомбинатом, сразу после глубокого противотанкового рва. Поставили мы колышки по углам, полежали на солнышке да и пошли домой, а владелец соседнего участка решил выжечь траву и хоть немного, но покопать. Рвануло, когда мы уже перешли ров...

**ТехноСпортЦентр**



**СУДНО НА  
ВОЗДУШНОЙ  
ПОДУШКЕ**

Произведено в России  
по европейской лицензии



**ЭЛЕКТРОННАЯ ПРИМАНКА ДЛЯ РЫБЫ**



**FishMagnet**  
**Фиш Магнит**

Список магазинов в различных  
городах России и предложения  
для дилеров на сайте:

[www.fishmagnet.ru](http://www.fishmagnet.ru)



**[www.technosportcenter.ru](http://www.technosportcenter.ru)**

199106, Санкт-Петербург, пл. Морской Славы, 1  
Т/ф: (812) 322-60-60 [zapros@technosportcenter.ru](mailto:zapros@technosportcenter.ru)

КРУПНЕЙШИЙ В ПОВОЛЖЬЕ

**ВОДНО-МОТОРНЫЙ  
ЦЕНТР**



**1500 м<sup>2</sup>  
СВОБОДНОГО ВЫБОРА**

Россия 443106 г. Самара, ул. Стара-Загора, 285  
тел.: +7(846) 958 89 25, 958 05 63, факс +7(846) 930 84 93  
e-mail: [katera@azimut-tc.ru](mailto:katera@azimut-tc.ru), [www.azimut-tc.ru](http://www.azimut-tc.ru)